

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.01

Правильная ссылка на статью:

Солодников В. В. Лонгитюдная стратегия исследований качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 3—20.

For citation:

Solodnikov V. V. Longitudinal strategy of studies of the quality and evolution of marriage : Russian tradition and foreign practices (theories, methods and studies) // Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 3—20.

В. В. Солодников
ЛОНГИТЮДНАЯ СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЧЕСТВА
И ИЗМЕНЕНИЙ БРАКОВ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ (ОБЗОР ТЕОРИЙ, МЕТОДОВ
И ИССЛЕДОВАНИЙ)

ЛОНГИТЮДНАЯ СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЧЕСТВА И ИЗМЕНЕНИЙ БРАКОВ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ (ОБЗОР ТЕОРИЙ, МЕТОДОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

LONGITUDINAL STRATEGY OF STUDIES OF THE QUALITY AND EVOLUTION OF MARRIAGE: RUSSIAN TRADITION AND FOREIGN PRACTICES (THEORIES, METHODS AND STUDIES)

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович — доктор социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: solodnikovv@mail.ru

SOLODNIKOV Vladimir — Doctor of Social Sciences, professor, Chair of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities.

E-mail: solodnikovv@mail.ru

Аннотация. Во вступительной статье рассматриваются различные трактовки стабильности и качества брака (семьи) в отечественной социологической традиции; сопоставлены результаты двух срезовых советских исследований, посвященных взаимосвязи удовлетворенности супругов браком и его продолжительностью. Показана ограниченность такой исследователь-

Abstract. Various interpretations of stable and high-quality marriage (family) in the Russian sociological tradition are considered in the article. The results of two cross-sectional soviet studies devoted to the correlation between spousal satisfaction with the marriage and its duration are described. The author points out the restrictions of this research strategy. The article provides a review of the

ской стратегии. Прокомментировано содержание двух зарубежных статей, посвященных использованию лонгитюдной стратегии (метааналитического обзора и общенационального исследования об изменении стабильности и качества брака в зависимости от его продолжительности). Выделены главные черты обеих статей (включая опору на развитие личности в течение всей жизни), которые могут быть использованы российскими исследователями (социологами и психологами) и студентами.

Ключевые слова: стабильность брака; качество брака; лонгитюдная/срезовая стратегия исследования; метаанализ; развитие личности в течение всей жизни; анализ кривой роста; устойчивые факторы уязвимости

content of two foreign articles based on longitudinal strategy (meta-analytic review and nation-wide survey about the changes of stability/quality of marriage depending on its duration). The author singles out the main features of both articles (with an emphasis on the life course/life-span development of personality) which can be used by Russian researchers (sociologists, psychologists) and students.

Keywords: stability of marriage; quality of marriage; longitudinal/cross-sectional research strategy; meta-analysis; life course perspective/life-span development of personality; growth curve analysis (GSA); enduring vulnerabilities

Успешность семейной жизни, счастье в браке — практически универсальный ценностный ориентир человека, один из значимых жизненных приоритетов, поэтому неудивительно серьезное внимание социальной науки к исследованиям в этой области. К началу 1980-х гг. одним из главных направлений исследований в отечественной социологии стало изучение **стабильности (устойчивости, прочности) брака**. Первоначально содержание этого понятия было предельно простым: стабильный — это существующий брак, а нестабильный — результат развода¹ (его факт или подача заявления о расторжении брака). Позднее стали говорить о *неформальной стабильности брака*. По мнению З. А. Янковой, стабильность семьи должна рассматриваться «не как формальная ее сохранность, а как успешное развитие, обусловленное взаимодействием супругов, низким уровнем конфликтности, взаимной удовлетворенностью браком, четкой ориентацией на кооперацию в быту» [Янкова, 1979: 29]². Предпринимались попытки развести понятия устойчивость и стабильность брака [В. А. Сысенко] или выделить в устойчивости брака объективную и субъективную стороны [В. В. Бойко] и т. п. А в некоторых справочных изданиях до сих пор утверждается, что «прочность брака (если считать ее синонимом стабильности. — Прим. В. С.) может быть непосредственно оценена (измерена) социологическими методами, в частности путем оценки наиболее

¹ Стабильность брака как социального института, например, могла быть определена по количеству разводов на 1000 населения за определенный промежуток времени, т. е. по общему коэффициенту разводимости.

² Конституирующими параметрами стабильности семьи остаются параметры межсупружеских отношений, т. е. брака.

адекватного индикатора устойчивости брака — уровня супружеской удовлетворенности брачно-семейными отношениями» [Стабильность брака..., 1998].

В 1980-е гг. операционализация понятия «стабильность брака» варьировала в отмеченных пределах, поэтому попытки систематизировать активно проводившиеся в те годы эмпирические исследования так называемых факторов риска этой стабильности при неполном описании использованного инструментария с неизбежностью должны были считаться с этим [Мацковский, Гурко, 1987; Тавит, 1983; Тийт, 1978, 1980; Кутсар, 1982, 1985, 1987; Тийт, Тавит, Кутсар, Кеэрберг, 1982]. Сами эти факторы выявлялись в срезовых (cross-sectional) исследованиях (иногда их называют точечными или разовыми), дизайн которых предполагал сравнение данных, полученных одномоментно (на момент проведения исследования) от различных групп супругов (как правило, молодых), состоящих в браке (иногда обладающих разной степенью удовлетворенности им) и разведенных (разводящихся). Среди этих факторов риска стабильности и/или качества брака обычно стремились выделить две группы: **добрачные** (формирующиеся до заключения брака, более устойчивые, включая личностные черты) и **брачные** (более ситуативные), возникающие в браке.

Позднее была отрефлексирована потребность разделять (прежде всего при измерении, в методическом плане) **стабильность брака** (вернувшись к ее изначальному смыслу) и его **качество** (quality) или **успешность** (successfulness), подразумевающие субъективную оценку брака супругами³. Именно так поступают авторы первого переведенного обзора Б. Карни и Т. Брэдбури. Эта точка зрения сегодня общепринята, она не требует специальных обоснований.

Одним из основных направлений методологических новаций в изучении качества и стабильности брака (которое, к сожалению, перестало быть актуальной темой в российской социологии семьи) является использование лонгитюдной (предполагающей длительное, иногда в течение десятков лет, изучение одних и тех же респондентов) стратегии исследования. В настоящее время она редко используется в отечественной социологической традиции⁴ и полностью отсутствует применительно к изучению семьи.

В какой-то мере более экономичным заменителем лонгитюда можно считать два срезовых исследования супружеских пар с различной продолжительностью брака [Гозман, Алешина, 1987; Голод, 1984]. В обоих в качестве ключевой характеристики рассматривалась удовлетворенность браком каждого супруга. Но даже не самый углубленный анализ полученных в них данных обнаруживает несоответствия (табл. 1).

³ В наиболее сложных случаях, например, для операционализации успешности функционирования семьи, предлагалось использовать два показателя: удовлетворенность каждого супруга семейной жизнью и оценку вероятности его распада [Мацковский, Гурко, 1987: 27].

⁴ Наиболее современный масштабный проект (не считая исследования молодежи, проведенного под руководством М. Х. Титмы в 1982—1996 гг.) — Российское лонгитюдное мониторинговое исследование (Russian Longitudinal Monitoring Study (RLMS-HSE), с 2010 г. — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ), которое осуществляется с 1992 г. Начинаясь оно Госкомстатом при поддержке ученых Института социологии РАН и университета Северной Каролины (США). Количество проведенных волн (замеров) на 2012 г. составляло 16. Выборка — около 4000 домохозяйств.

Оба исследования были предприняты почти в одни и те же годы. Опрашивались супружеские пары. Скорее всего использовались разные измерительные техники в рамках анкетного опроса. Закономерной выглядит согласованность полученных результатов о снижении супружеской удовлетворенности браком в первые годы после его заключения. Однако в одном из этих исследований констатируются ее минимальные значения на третьем году семейной жизни, а в другом — только к 12—18 годам. Аналогичные расхождения отмечены в отношении стремления мужей к автономии (которое обратно коррелирует с удовлетворенностью супругов своим браком). Отчасти эти расхождения полученных данных могут быть связаны с различием в продолжительности брака (в первом исследовании — ее максимальное значение 10 лет, во втором — 18—26 лет). Но лишь отчасти.

Таблица 1. *Результаты двух отечественных срезовых исследований удовлетворенности браком*

№	Параметр	Голод С. И. (1984)	Гозман Л. Я., Алешина Ю. Е. (1987)
1	Выборка	Супружеские пары Ленинграда. Количество: 250 [Голод, 1984: 9] или 200 [Там же: 79]. Продолжительность брака: от 1 года до 10 лет. Время опроса: 1978 и 1981 гг.	Супружеские пары Москвы (N = 250), разбитые на 5 групп по стажу брака: до 1 года, 1—6 лет, 6—12 лет, 12—18 лет и 18—26 лет. Время опроса: 1980—1981 гг.
2	Согласованные результаты	При продолжительности семейной жизни до двух лет симпатия, испытываемая супругами друг к другу, максимальна [Голод, 1984: 79]. При этом «симпатия вносит немалый вклад в общую удовлетворенность браком» [Там же]. На первом году семейной жизни отмечается «тесное... эмоциональное взаимопонимание, оцениваемое молодыми людьми предельно высоко» [Там же: 88].	
3	Снижение удовлетворенности браком и ее минимум	По параметру симпатии (тесно связанной с удовлетворенностью браком) после двух лет семейной жизни возникает кризис , который сменяется сбалансированной стадией к 4—10 годам брака [Голод, 1984: 79]. По прошествии первого года семейной жизни «в дальнейшем... какое-то время... уровень удовлетворенности (браком. — В. С.) до определенной поры не снизится » [Указ. соч.: 88].	После первого года брака и у мужей, и у жен плавно снижается удовлетворенность браком , которая достигает своих минимальных значений в период от 12 до 18 лет семейной жизни , и только затем она возрастает [Указ. соч.: 143].
4	Потребность мужей в автономии	По прошествии первого года семейной жизни «в дальнейшем... какое-то время не будет ощущаться дефицит автономии...» [Указ. соч.: 88].	Уже на втором году брака мужья начинают ожидать от своих жен большей терпимости к своей автономии , а те, в свою очередь, идут на это. В дальнейшем эта тенденция мужей сохраняется, достигая своего пика при 12—18 годах брака [Указ. соч.: 145—149].

С точки зрения С. И. Голода, снижение супружеской удовлетворенности браком достигает минимума на третьем году совместной жизни. Ему на смену приходит плато, уровень которого, по-видимому, ниже первоначальных значений, но выше минимальных.

По мнению Ю. Е. Алешиной, изменение супружеской удовлетворенности браком в зависимости от продолжительности семейной жизни носит U-образный характер: после снижения в первые годы брака и достижения минимума (на 12—18-й годы семейной жизни) начинается ее рост; на нескольких начальных стадиях цикла развития семьи уровень удовлетворенности браком у супругов понижается, а затем постепенно возрастает [Алешина, 1985].

При несомненной экономичности срезовой стратегии исследования не следует забывать, что, строго говоря, данные, полученные с ее помощью, нельзя интерпретировать в плане развития изучаемых переменных (в данном случае — изменения удовлетворенности браком по мере увеличения его продолжительности). Альтернативная интерпретация в этом случае всегда будет связана с промежуточными переменными. Например, при сравнении супружеских пар с продолжительностью брака менее одного года и 18—26 лет (поскольку эти две группы респондентов принадлежат к разным поколениям) различия в удовлетворенности супругов своим браком могут быть связаны с их возрастом, здоровьем, уровнем образования, наконец базовыми ценностными ориентациями (и только одна из них — место и роль семьи в жизни человека). Иными словами, «...обнаруженные различия между более молодыми и более зрелыми испытуемыми могут отражать не линию развития интересующего исследователя базисного процесса (в данном случае удовлетворенности браком. — Прим. В.С.), но эффекты когорты» [Корнилов, 2011: 103]. Использование лонгитюдной стратегии исследования при соблюдении определенных условий позволяет существенно сократить количество возможных интерпретаций.

Именно это и было сделано зарубежными исследователями. Авторы одной из представленных ниже статей согласны с утверждением N. Glenn о том, что «U-образная взаимосвязь между этапом семейной жизни и некоторыми аспектами качества брака бесспорна, как не что иное в общественных науках» [Glenn, 1990].

Использование лонгитюдной стратегии в исследованиях семьи и/или брака — завтрашний день для российских ученых (даты выхода оригинальных переводных публикаций — 1995 и 2005 гг. — в данном случае не играют существенной роли). Поэтому полезно ознакомиться с подобным опытом, имея целью научиться на чужих ошибках.

Еще одной общей особенностью обеих англоязычных публикаций является стремление заявить и эмпирически подтвердить (что оказывается совсем непросто) подход жизненного пути (lifecourse perspective), имея в виду прежде всего брак (семью), но опираясь на опыт его использования применительно к развитию личности. Этот подход тоже относительно мало распространен в отечественной гуманитарной науке. Остановимся на нем подробнее.

Основоположником теорий психосоциального развития личности в течение всей жизни (life-span development) обычно считают Э. Эриксона [Erickson, 1959]. Он утверждал, что каждый человек от рождения до смерти проходит через восемь

стадий развития своей идентичности. По его мнению, каждый возраст характеризуется определенной задачей и двумя возможными полюсами становления личностной идентичности — положительным и отрицательным. Например, позитивной возможностью становления идентичности в младенческом возрасте выступает формирование доверия к миру, негативным же — недоверие к нему, что определяется характером отношений ребенка с ухаживающим за ним, опекающим его взрослым (caregiver). Эриксон полагает, что формирование отрицательного полюса идентичности на определенном этапе развития не фатально, его можно преодолеть в ходе решения задач на последующих фазах развития личности (эпигенетический принцип).

Предложенная им модель развития личности (и понятие идентичности) оказалась востребованной его последователями. Так, Дж. Марсиа с коллегами опубликовали работу, посвященную исследованию статусов идентичности у мужчин [Marcia et al., 1993]. Эти изыскания продолжила Р. Джосселсон, которая провела качественное лонгитюдное исследование статусов идентичности у женщин [Josselson, 1987].

Еще одно направление исследования жизненного пути человека берет свое начало в работе Дж. Левинсона, который опирался на материалы биографических интервью с мужчинами в возрасте 40—45 лет четырех разных профессиональных групп, по 15 человек в каждой [Levinson, 1979], позднее дополнил его аналогичным качественным исследованием женщин того же возраста, сформировав из них три группы, по 15 человек в каждой [Levinson, Levinson, 1996]. Он разделил человеческую жизнь на четыре больших отрезка, назвав их сезонами жизни: *предвзрослость*, которая завершается с окончанием школы; *раннюю взрослость* (примерный интервал 22—40 лет); *средняя взрослость* (45—60 лет) и *поздняя взрослость* (от 65 лет и старше — возраст выхода на пенсию в США). Поскольку жизнь человека представляет собой непрерывный процесс, сезоны жизни соединены между собой некоторыми переходными этапами, названными Дж. Левинсоном *переходами* (transitions).

Стремясь остаться в дисциплинарных границах социологии (с опорой на качественную методологию и акцентирование метода биографического интервью), концепция жизненного пути личности выделяет микросоциальные паттерны взаимодействия и общения отдельного человека, испытывающего многообразные проявления хронологизации жизни, но испытывает серьезное влияние феноменологии, интеракционизма и когнитивной психологии [подробнее: Мещеркина, 2002].

Еще одно междисциплинарное направление изучения жизненного пути личности [Baltes et al., 1980; Балтес, 1994] интерпретирует развитие человека как процесс, *длящийся всю жизнь*. Исследователи выделяют три группы факторов, определяющих многоаспектное развитие личности на протяжении жизни. Сила их воздействия зависит от возраста человека:

1. *Нормативные возрастные факторы* — биологические и социальные события, происходящие в предсказуемом возрасте (например, пубертат, менопауза, поступление в школу, призывной возраст, уход на пенсию и т. п.).
2. *Нормативные исторические факторы* — исторические события, практически одновременно затрагивающие всю возрастную когорту (войны, экономиче-

ские спады, эпидемии и т. д.). На начальных и конечных этапах жизненного цикла отмечается больший вес нормативных возрастных факторов; при этом для юности характерно уменьшение значения биологических (связанных с созреванием организма) и повышение важности социальных (нормативных исторических) факторов, а для старости — накопление ненормативных, индивидуальных событий. Для людей зрелого возраста характерно снижение значимости биологических и нормативных исторических факторов.

3. *Ненормативные факторы* связаны с личными событиями, происшествиями и переменами в жизни человека (развод, потеря работы, перемена места жительства, непредвиденные жизненные утраты или внезапное везение, изменения в карьере и т. п.). Их удельный вес постепенно возрастает на протяжении всей жизни.

В рамках лонгитюдного изучения (как психологического, так и социологического) стабильности и качества брака, реализуемого за рубежом преимущественно в рамках *количественной* методологии, в последние два-три десятилетия оказались востребованы результаты *качественного* анализа всевозрастного исследования жизненного пути личности. Эвристичность последних проявилась в использовании ряда понятий (например, *переходов*, дополняемых атрибутами «социальный» и/или «семейный»), особенно в рамках теорий семейного стресса (с их (не)нормативными стрессорами, ABCX-моделью Р. Хилла и т. п.).

В то же время, углубляя тему факторов и/или событий, предопределяющих особенности жизненного пути индивида, отдельного отступления заслуживает понятие уязвимости (*vulnerability*⁵), используемое применительно к личности и ее устойчиво действующим факторам (*enduring vulnerabilities*) в противовес ситуативным. В отечественной психологической традиции применительно к личности чаще используется понятие «устойчивые факторы риска» с аналогичным смыслом. Например, в психологическом понимании «устойчивая уязвимость» — это определенные психологические особенности личности, при которых любое, даже объективно незначительное, физическое или психическое воздействие может спровоцировать психическую травму.

Эти понятия в настоящее время используются специалистами самых разных отраслей — от политической экологии до исследований безопасности и управления рисками и катастрофами. Однако изначально они появились в специальной литературе, ориентированной на медиков. В целом уязвимость означала чувствительность с акцентом на риск возникновения проблем со здоровьем, имея в виду три его аспекта: физическое, психологическое и социальное [*Theoretical concepts...*, 2010: 32]. Склонность к определенным заболеваниям могла быть предопределена генетически или являться результатом определенных жизненных обстоятельств. В качестве уязвимых выступали такие группы населения, для которых риск развития проблем со здоровьем был выше средней величины. А этот риск, в свою очередь, может быть детерминирован социокультурным статусом таких индивидов, ограничивая их доступ к эконо-

⁵ От *vulnus* (лат.) — рана. Иногда в качестве антонима используется понятие *resiliency* (англ.) — стойкость, способность к восстановлению, жизнестойкость.

мическим ресурсам, или такими индивидуальными параметрами, как пол или возраст [Там же: 33].

В настоящее время **уязвимость** широко интерпретируется как нужда, риск, восприимчивость к запущенности и нанесению вреда или недостаточная жизнестойкость, работоспособность. По мнению А. Lu Ann [цит. по: *Mechanic, Tanner, 2007: 1221*], относительная уязвимость человека может быть определена по его индивидуальным (возраст, пол, этническая принадлежность), межличностным характеристикам (структура семьи, брачный статус, включенность в социальные сети) и по доступности ресурсов микрорайона (школ, рабочих мест, жилищных условий и т. п.). Перечисленные параметры по своему содержанию оказываются близки к нормативным возрастным факторам (согласно П. Балтесу и его коллегам), тоже сохраняющим свое влияние в более позднем возрасте, но с акцентом последних на наступление определенных, заранее известных жизненных событий.

К таким устойчивым факторам уязвимости (факторам риска), например, относят низкий социально-экономический статус родителей, который связан с недостаточным питанием ребенка пренатально и в первые годы жизни, что увеличивает у таких детей впоследствии риск сердечно-сосудистых заболеваний и приводит к более высокой смертности [Там же: 1223].

Согласно Б. Карни и Т. Брэдбури, устойчивые факторы уязвимости (*enduring vulnerabilities*) — это стабильные индивидуальные факторы (черты личности, демографические характеристики и особенности личной истории), привносимые каждым супругом в брак. Но такое их понимание продолжает развиваться и дополняться. Например, некоторые современные американские психологи со ссылкой на модель «уязвимость—стресс—адаптация», представленную в статье этих же авторов, в качестве наиболее важных устойчивых факторов уязвимости, влияющих на межсупружеские конфликты и проявления насилия в отношениях между интимными партнерами, называют симптомы депрессии, а также личностные черты антисоциальности и враждебности [Marshall et al., 2011: 710].

Таким образом, устойчивые факторы уязвимости личности супругов являются частью добрачных **факторов риска стабильности и/или качества брака**, формирующихся до его заключения и сохраняющих свое значение после.

Обе предлагаемые читателю статьи стремятся в своем подходе (с использованием лонгитюдной стратегии) привлечь внимание к личности супругов и качеству/стабильности их брака, акцентируя процесс изменения во времени, развития — и личности, и брака.

В первой из них (Карни Б., Брэдбури Т. Лонгитюдные изменения качества и стабильности брака: обзор теорий, методов и исследований) проанализированы методы и результаты 115 лонгитюдных исследований (при этом сами авторы признают, что речь идет приблизительно о 68 независимых выборках), представляющих более 45 000 браков. В качестве базовой методологии использовался **метаанализ**. Эмпирические исследования были проанализированы по нескольким параметрам (от описания выборки, ее размера на первом и последующих замерах, выделения (не)зависимых переменных до использованных методов анализа данных, см. табл. 2). Более того, с помощью метааналитических методик и преобразования полученных многочисленными исследователями результатов

авторы попытались оценить агрегированную величину влияния каждой выделенной независимой переменной на качество и/или стабильность брака (диагр. 1 и 2). В результате предпринятого анализа была сконструирована модель брака, названная «уязвимость — стресс — адаптация» (диагр. 3).

Диаграмма 1. Агрегированная величина влияния независимых переменных на удовлетворенность браком среди жен, мужей и супружеских пар. Лонгитюдное исследование брака

0,5	Результаты для жен	Результаты для мужей	Результаты для супружеских пар
			.46 позитивное поведение мужа (2)
	.42 удовлетворенность браком (2)		
	.33 сексуальное удовлетворение (1)	.33 сексуальное удовлетворение (1)	.33 позитивное поведение жены
		.29 удовлетворенность браком (4)	.28 установка на гомогамию (3)
		.18 муж или семейный доход (1)	
		.17 мужественность (2)	
	.16 возраст на момент вступления в брак (3)		.14 удовлетворенность браком (4)
	.14 возраст (5)		.11 занятость мужа (1)
	.13 образование (6)		.11 личностная гомогамию (1)
		.11 возраст (5), образование (5)	.10 образование (3), доход мужа или семьи (2)
		.10 честность /верность (3)	.09 положительное поведение пары (3)
	.09 доход мужа или семьи (3)	.09 уступчивость (3)	
	.07 уступчивость (4)	.08 возраст на момент вступления в брак (4)	.07 возраст (4)
	.07 мужественность (1)		.06 сексуальная удовлетворенность (1)
	.06 финансовые активы (2)		.05 продолжительность брака (3)
	.05 занятость мужа (1)	.04 внутренний локус контроля (1)	
	.04 честность /верность (3)		
.00	.00 внутренний локус контроля (1)	.00 занятость мужа (1)	
	-.04 доход жены (2)	-.04 открытость (1)	-.04 занятость жены (2), получение материальной помощи
	-.04 занятость жены (4)		-.05 добрая беременность (2)

-05 кровоизлияние/кровопод тек (2)			
-08 получение материальной помощи (4)	-08 кровоизлияние/кровоподт ек (2)		-08 кровоизлияние (1)
	-11 несчастливое детство (3)		-10 депрессия (1) -11 отсутствие взаимности (1)
-12 несчастливое детство (1)		-13 занятость жены (2)	
-12 добрачное сожительство (2)			
-14 открытость (3)	-14 добрачное сожительство (2)		-14 стресс (3)
-17 развод родителей (3)			-16 развод родителей (1) -17 негативное поведение пары (4)
	-20 невротическое состояние (6)		
-21 добрачная беременность (1)			
-22 невротическое состояние (7)			
	-30 развод родителей (1)		-34 негативное поведение жены (2)
			-37 негативное поведение мужа (2)
			-44 положительная взаимность (1)
-50			
* В скобках указано количество исследований. Жирным шрифтом выделены элементы, состоящие из трех и более исследований. Переменные в каждом столбце измерялись для индивида или для пары. Отдельно указаны случаи, когда переменные для жены и мужа измерялись раздельно.			

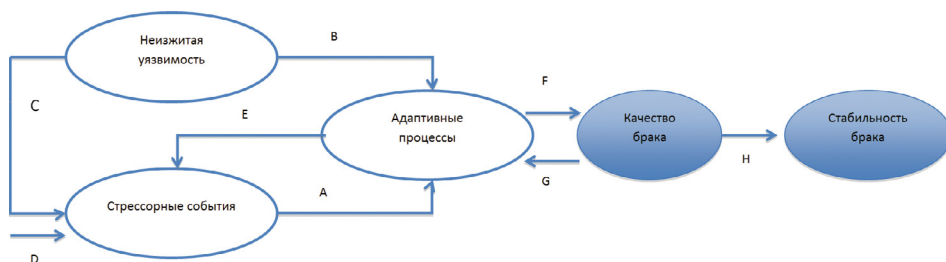
Диаграмма 2. Агрегированная величина влияния независимых переменных на удовлетворенность браком среди жен, мужей и супружеских пар

0,5	Результаты для жен	Результаты для мужей	Результаты для супружеских пар [.54 позитивное поведение мужа (1)]
	.42 позитивное поведение пары (2)	.37 позитивное поведение пары (2)	
	.35 личностная гомогамия (1)		.33 позитивное поведение пары (4)
	.33 удовлетворенность браком (2)	.28 личностная гомогамия (1)	
		.20 сексуальная удовлетворенность (1)	.22 доходы мужа или семьи (2)
	.18 позитивное поведение мужа (4)	.18 позитивное поведение мужа (4)	
	.16 сексуальное удовлетворение (1)	.16 возраст (3)	
	.15 избегание женой (2)	.13 образование (3)	
	.14 доходы мужа или семьи (1)	.13 удовлетворенность браком (1)	
	.12 образование (3)	.11 избегание женой (2)	
	.12 установка на гомогамию (2)	.10 позитивное поведение жены (4)	
	.08 позитивное поведение жены (5)	.08 занятость мужа (1)	
	.07 возраст (3), самооценка (2)	.07 честность (3)	
	.06 честность (3)	.07 установка на гомогамию (2)	
	.06 избегание мужем (2), занятость мужа (1)	.04 экстраверсия (4), самооценка (2)	
	.05 уступчивость (3)	.03 уступчивость (3)	
	.04 женственность (3)	.03 доход мужа или семьи	
	.03 экстраверсия (4)		
.00		-.01 открытость (2)	
	-.05 открытость (2)	-.05 женственность (3)	
	-.06 негативное поведение мужа (8)	-.06 депрессия (2)	
	-.09 развод родителей (1)	-.10 мужественность (3)	-.10 негативное поведение жены (1)

-11 мужественность (3)	-13 невротическое состояние (6)	
	-13 продолжительность брака (2)	
-16 депрессия (3)	-16 развод родителей (2)	
-19 невротическое состояние (6)		
-21 несчастливое детство (4)		-20 положительная реципрокность (1)
-21 стресс (2)	-20 негативное поведение жены (5)	
-22 продолжительность брака (3)	-21 неадаптивные атрибции (2)	-24 негативное поведение пары (2)
-23 половое возбуждение во время конфликта (2)	-21 негативное поведение мужа (5)	
-25 негативное поведение жены (6)	-22 избегание мужем (2)	
-26 неадаптивные атрибции (2)	-24 стресс (1)	
-30 негативное поведение пары (1)	-24 несчастливое детство (4)	
	-31 негативная реципрокность (1)	
		-32 стресс (2)
		-32 негативная реципрокность (1)
		-35 продолжительность брака (2)
		-36 негативное поведение мужа (2)
	-42 негативное поведение пары (1)	
	-42 половое возбуждение во время конфликта (2)	-43 положительное поведение жены (1)
-		
.50		

* В скобках указано количество исследований. Жирным шрифтом выделены элементы, состоящие из трех и более исследований. Переменные в каждом столбце измерялись для индивида или для пары. Отдельно указаны случаи, когда переменные для жены и мужа измерялись раздельно.

Диаграмма 3. Модель брака «Уязвимость — стресс — адаптация»

Прокомментируем некоторые ключевые для авторов понятия, проясняющие их методологию, или некоторые жизненные реалии, не привычные для российского читателя, в том числе социолога.

Framework в широком смысле может интерпретироваться как некая система координат, в более узком — теоретическая, понятийная, концептуальная рамка, по смыслу близкая теории среднего уровня Р. Мертона.

Separation — юридически регулируемое раздельное проживание супругов, по сути представляющее промежуточное состояние между браком и разводом.

Lifespan, lifecourse — жизненный путь. Понятие обычно применяется к отдельному человеку, индивиду. Применительно к браку и/или семье авторы говорят о его течении, развитии (*course/development*), в том числе о целостном пути развития брака (*full course of marital development*); о переходах, переходных этапах (*transitions*) входе этого развития, иногда дополняя последние атрибутом «нормативный» (например, имея в виду функционирование семьи после рождения первенца).

Еще одно понятие, заимствованное из исследований развития личности — *реакции совладания* (*coping responses*) с (ди)стрессом. Оно описывает широкий диапазон реакций как семьи в целом, так и отдельных ее членов. Что касается стресса, сам автор понятия, Г. Селье, после его широкого распространения, стремясь к его уточнению, говорил о дистрессе, акцентируя его деструктивную функцию. Авторы чаще предпочитают говорить о стрессорных событиях (*stressor events*), меняющих динамику внутрисемейных отношений.

Наконец авторы часто используют понятие *исходы/результаты* (*outcomes*) брака, имея в виду применительно к стабильности три его состояния (сохранение брака, раздельное проживание супругов и развод), а применительно к качеству брака — различную степень супружеской удовлетворенности им.

Методическая терминология авторов включает такие понятия, как опросы, самоотчеты (*self-report measures*) респондентов, оценки коллег (*peer ratings*); измерения единичного признака (*single-item measures*), независимые переменные, предикторы (*predictors*).

Наконец они упоминают о «большой пятерке», имея в виду широко известный и методически оснащенный подход, связанный с выделением пяти наиболее общих личностных (точнее характерологических) факторов, представленный в работах Р.Р. МакКрэя (R. R. McCrae). В описании этих пяти ключевых черт есть

неточность (возможно, связанная с более ранней версией пяти факторов): одна из них называется импульсивностью, хотя в действительности это открытость опыту (остальные четыре — нейротизм, экстраверсия, доброжелательность и добросовестность [подробнее: Хофстеде, МакКрэй, 2010]).

Если говорить о содержательном выводе авторов, сформулированном на основе предпринятого анализа, он сводится к следующим утверждениям: супружеским парам на протяжении совместной жизни предстоит адаптироваться к множеству стрессорных событий. Способность супругов адаптироваться к происходящим изменениям зависит от степени переживаемого ими дистресса и набора устойчивых факторов личностной уязвимости, привнесенных ими в брак. Супружеские пары, накопившие опыт адаптивных процессов, постепенно начинают воспринимать качество брака более позитивно, что в конечном итоге способствует его стабильности.

Масштабные обзоры, а тем более с использованием метаанализа, как правило, заканчиваются обозначением теоретических, методологических и методических перспектив в рассматриваемой предметной области; их значение выходит далеко за пределы конкретной научной дисциплины. Авторы этого обзора указывают, в частности, на необходимость использования более сложных методов обработки данных в лонгитюдных исследованиях качества и стабильности брака.

В полной мере это было учтено авторами второй публикации (Д. Умберсон и др. «Разве не будет лучше? Качество брака в контексте жизненного пути»). И если выше мы отметили сильные стороны лонгитюдного (продольно-срезового по сравнению с поперечно-срезовым) исследования как группы методов, здесь необходимо упомянуть о дополнительных, более сложных требованиях к его планированию (только его основных принципиальных схем насчитывается четыре), валидности (специфическими угрозами которой являются вариативность измеряемых конструкторов, потеря испытуемых, пропущенные данные) и методах обработки неоднократно собираемых данных, особенно с учетом криволинейности изменения некоторых переменных (например, удовлетворенности браком) с течением времени [Корнилов, 2011: 108—113].

Именно поэтому авторы этой публикации использовали при обработке лонгитюдных данных метод анализа кривой роста (Growth Curve Analysis — GSA). Сам этот метод пока мало распространен в российских социальных исследованиях.

Он является применением структурного моделирования (моделирования структурными уравнениями), которое, в свою очередь, является методом моделирования причинно-следственных связей и латентных структур [подробнее: Митина, 2008; Остапенко, 2013], включая множество методов из различных областей статистики (корреляционно-регрессионный, дисперсионный и факторный анализ).

Ключевые понятия, используемые при переводе, сведены в таблицу (табл. 2)⁶.

В целом содержание второй статьи поддерживает тренд, сформулированный Б. Карни и Т. Брэдбури и состоящий в том, чтобы соединить брак и личность (прежде всего супругов) в анализе развития в течение жизненного пути. Поэтому каче-

⁶ Благодарю А. Н. Дорожевца за неоценимую помощь и комментарии.

ство брака⁷ предлагается рассматривать не как статичную переменную, в которой время вынесено за скобки, но как *траекторию* (понятие, обычно применимое к жизненному пути личности). Отсюда же вытекает понятие *перехода* (см. выше: Дж. Левинсон), теперь относимое не только к личности, но и к семье и даже к обществу (social/family transition).

Таблица 2. Основные понятия, используемые при применении GSA-анализа

№	Исходное понятие	Перевод	Комментарии
1	Covariates	Ковариаты, предикторы (независимые переменные)	В логистической регрессии ковариаты — независимые переменные, предикторы. В дисперсионном анализе — независимые переменные, которые могут влиять на взаимосвязь изучаемых признаков. Иногда их используют для контроля изменчивости, не связанной с изучаемыми признаками.
2	Covariance	Сопряженность, ковариация	Мера связи двух случайных величин. Отличается от корреляции отсутствием показателя силы этой связи. Но если показатель ковариации разделить на произведение среднеквадратичных отклонений, мы получим коэффициент линейной корреляции.
3	Covariance effects	Эффекты ковариации (иногда эффекты взаимодействия)	В ковариационном анализе (ANCOVA) — многозначное понятие, описывающее взаимодействие переменных от простейшего (двухфакторного, попарного) до высших порядков (например, четвертого, когда взаимодействие первых трех переменных меняется под воздействием четвертой).
4	The factor determinacy-coefficients	Коэффициенты факторной детерминированности (мощности фактора)	Показатель «качества» фактора — значения факторных нагрузок, factor scores (корреляций между переменной и фактором).
5	The factor score estimates	Факторные нагрузки после трансформации (вращения) разными методами	Они не совпадают с факторными нагрузками (метод их вычисления определяется задачами: максимизация нагрузок; увеличение доли объясненной дисперсии или интерпретируемость факторов).
6	The latent intercept	Латентное отсечение	Отрезок, отсекаемый на оси X. Например, в функции $y = bx + a$ — это свободный член (a) латентной переменной.
7	A linear growth curve model with a latent intercept	Линейная модель кривой роста с латентным отсечением	См. латентное отсечение.
8	The latent slope	Наклон функции латентной переменной	Показывает силу влияния латентной переменной на зависимую переменную. Например, коэффициент (b) латентной переменной в функции $y = bx + a$.
9	The main effect models	Модели главного эффекта	Главный эффект — влияние отдельного фактора на среднее значение зависимой переменной.

⁷ Авторы выделяют его индексы: положительный брачный опыт (основан на четырёх вопросах шкального типа) и отрицательный (конструируется на основе двух аналогичных вопросов), — и анализируют их раздельно.

Еще одной особенностью Д. Умберсон и ее коллег является использование понятия *pattern* (паттерн/модель/схема). Оно по смыслу близко к понятийной рамке (*framework*), но более прагматично, операционально и, в частности, предполагает наличие процедур измерения (обычно, количественных).

Выводы предпринятого авторами анализа трех волн (1986, 1989 и 1994 гг., при объеме выборки 1059 чел.) общенационального, репрезентативного для США, исследования можно резюмировать следующим образом. Траектория изменения качества брака носит *U*-образный характер: начинаясь с относительно высокой точки, с течением времени оно снижается, причем негативный брачный опыт нарастает, а позитивный уменьшается. При этом как начальный уровень качества брака, так и динамика его снижения существенно зависят от возраста вступивших в брак. Большой возраст (связанный с большим количеством социальных и финансовых ресурсов, а также личным опытом) предопределяет более высокие начальные оценки качества брака и меньшую скорость их уменьшения (опосредуя, например, воздействие такого нормативного стрессора, как рождение первенца). Таким образом, негативное влияние продолжительности брака на его качество будет сильнее для вступивших в брак в более молодом возрасте, а в дальнейшем проживающих вместе с несовершеннолетними или взрослыми детьми. Однако при наступлении стадии «пустого гнезда» (отдельного самостоятельного проживания взрослых детей) отмечается рост качества брака (особенно у вступивших в него в более старшем возрасте).

В предлагаемых вниманию читателей статьях американских социологов и психологов, занимающихся изучением семьи, проявились тенденции, характерные для современной зарубежной социальной науки в целом:

- осознанная необходимость разработки специальных социологических теорий (понятийных рамок, моделей), упорядочивающих изучаемые переменные (при стремлении к их унификации), интегрирующих имеющиеся результаты и ориентирующих дальнейший научный поиск;
- активная коммуникация и согласованные исследовательские практики ученых, принадлежащих к различным отраслям науки;
- использование дорогостоящих (лонгитюдных) исследовательских стратегий и сложных методов обработки получаемых данных.

Эти особенности позволяют, с одной стороны, обеспечивать поступательное развитие социологии как науки (в данном случае ее отдельной отрасли — социологии семьи), а с другой — давать не очевидные на первый взгляд ответы на животрепещущие вопросы (о счастье в семейной жизни).

Список литературы

Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1985.

Балтес П. Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.

Гозман Л. Я., Алешина Ю. Е. Общение и развитие взаимоотношений в супружеской паре // Общение и оптимизация совместной деятельности. М. : Изд-во МГУ, 1987. С. 140—152.

Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л. : Наука, 1984.

Корнилов С. А. Лонгитюдные исследования: теория и методы // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 101—116.

Кутсар Д. Я. Качество — интегральная характеристика брака // Стабильность и качество брака. Тарту : Изд-во Тарт. Ун-та, 1982. С. 4—6.

Кутсар Д. Я. О неформальной стабильности брака // Человек после развода : сб. ст. / Ин-т философии, социол. и права АН Лит. СССР ; Прибалт. отделение Сов. социол. ассоц. / сост. С. Рапопорт. Вильнюс, 1985. С. 67—71.

Кутсар Д. Я. Управление отношением другого человека к себе — ресурс качества супружеских отношений // Социологические исследования вопросов демографии, семьи и здравоохранения. Мат. к IV научной конф. социологов Советской Прибалтики «Социальные проблемы активизации человеческого фактора», Паланга, окт. 1987. Вильнюс : Ин-т филос., социол. и права АН ЛитССР, 1987. С. 153—158.

Мацковский М. С., Гурко Т. А. Успешность функционирования молодой семьи в крупном городе // Программы социологических исследований молодой семьи. Вып. 2. М. : ИСИ АН СССР, 1986. С. 12—34.

Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61—67.

Митина О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 1. С. 131—148.

Остапенко Р. И. Структурное моделирование в психологии и педагогике: проблемы науки и образования [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования : электрон. науч.-практ. журн. 2013. № 2. URL: <http://pnojurnal.wordpress.com/archive> (дата обращения: 10.02.2014).

Стабильность брака [Электронный ресурс] // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Инфра-М ; Норма, 1998. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/stabilnost-braka> (дата обращения: 24.01.2014).

Тавит А. Ю. Факторы, влияющие на удовлетворенность браком / А. Ю. Тавит // Личность в системе общественных отношений : в 4 ч. Ч. 4.: Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983. С. 121—122.

Тийт Э. М. Факторы, влияющие на стабильность брака // Стабильность семьи как социальная проблема. М. : Ин-т социол. исслед. АН СССР. 1978. С. 136—145.

Тийт Э. М. Факторы риска, вызывающие расторжение брака // Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики. Рига : Зинатне, 1980. С. 108—117.

Тийт Э., Тавит А., Кутсар Д. и др. Факторы удовлетворенности браком и его прочности // Социологические исследования в Советской Прибалтике. Вильнюс : Ин-т филос., социол. и права АН ЛитССР, 1982. С. 198—227.

Хофстеде Г., МакКрэй Р. Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 9—42.

Янкова З. А. Городская семья / отв. ред. Т. В. Рябушкин. М. : ИСИ АН СССР ; Наука, 1979.

Baltes P. B., Reese H. W., Lipsitt L. P. Life-span developmental psychology // Annual review of psychology // M. R. Rosenzweig & L. W. Porter (eds.). Palo Alto, CA : Annuals reviews, 1980. P. 65—110.

Erikson E. H. Identity and the life cycle. N.Y. : International Universities Press, 1959.

Glenn N. D. Quantitative research on marital quality in the 1980-s : A critical review // Journal of Marriage and the Family. 1990. No. 52. P. 818—831.

Josselson R. Finding Herself : Pathways to Identity Development in Women. San Francisco, California, 1987.

Levinson D. J. The seasons of a man's life. N.Y. : Ballantine Books, 1979.

Levinson D. J., Levinson J. D. The seasons of a woman's life. N.Y. : A. A. Knopf, 1996.

Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. (eds.) Ego Identity : A Handbook for Psychological Research. N.Y. : Springer-Verlag, 1993.

Marshall A. D., Jones D. E., Feinberg M. E. Enduring Vulnerabilities, Relationship Attributions, and Couple Conflict : An Integrative Model of the Occurrence and Frequency of Intimate Partner Violence // Journal of Family Psychol. 2011. October. No. 25(5): 709—718.

Mechanic D., Tanner J. Vulnerable People, Groups and Populations : Societal View // Health Affairs 26. No. 5 (2007): 1220—1230.

Theoretical concepts. Health Belief Model [Электронный ресурс]. Published by Jones & Bartlett, 2010. P. 31—36. URL: <http://www.jblearning.com/samples/0763743836/chapter%204.pdf> (дата обращения: 3.02.2014).